

ОНИ ПРИЕХАЛИ В БЛОКАДУ

Блокадные истории не знают временных границ. Время – строгий судья процесса за место в истории – делает их вечными. Уже 65 лет они бережат души новых поколений ленинградцев. У каждого из тех, кто выдержал осаду Ленинграда, свои счёты с блокадой. Своя братская могила, памятная плита, свои незабываемые имена, лица и места, ставшие святынями. Сюда приносят цветы, здесь зажигают свечи в великие ленинградские даты – день начала блокады, день ее прорыва и снятия, День Победы.

Эти две истории про детей блокады. Судьбы их героев могли сложиться по-другому, и они никогда бы не испытали ужасов блокады. Но так уж случилось, что перед войной родители привезли их в Ленинград, и, оставшись в городе, они разделили с ленинградцами их великую и трагическую судьбу. И больше никогда ей не изменили.

ОСТАЛСЯ ОДИН КОЛЯ

В 30-м году дедушка Николай Андреевича Шлиппенбаха Михаил Иванович Петрунkevич, профессор Московского университета, специалист по Древнему Востоку, жил с внуком и двумя дочерьми в сто-

лице. Правда, спокойной их жизнь вряд ли можно было назвать. У профессора было несколько причин, чтобы не спать ночами и вздрагивать при каждом шорохе. Его отец, Иван Петрунkevич, эмигрировавший после революции в Европу, был первым кадетом России, основателем земского движения. В ГУЛАГе погиб-

ли двое ближайших родственников: сын и муж младшей дочери – Андрей Шлиппенбах. К тому же регулярно, как только стемнеет, к подъезду их солидного московского дома стал подъезжать «черный ворон». Наутро заплаканные соседи сообщали об аресте очередной жертвы. Кто будет следующий? Михаила Ивановича

особенно беспокоила старшая дочь, которая работала переводчицей. Как-то раз, не выдержав бессонной ночи, он стал спешно подыскивать обмен на Ленинград. Семья согласилась на первое попавшееся предложение, и из респектабельных профессорских апартаментов в Москве въехала в скромную трехкомнатную квартирку на Васильевском острове. Но главное, чего добились беглецы от судьбы, – иллюзии относительного спокойствия. Завершался 38-й год. Чтобы не искушать фортуна, профессор даже сменил свою вполне буржуазную специальность и стал главным бухгалтером на заводе «Механобр».

Когда началась блокада, его внуку, Николаю Шлиппенбаху, только-только исполнилось 13 лет. Запасов в непрактичной интеллигентной семье никто никогда не делал, поэтому карточки стали единственным средством к существованию. Дедушка внимательно следил, чтобы скудный паек по четырем карточкам – его рабочей, двум – для служащих и одной иждивенческой – делили на равные части и чтоб обязательно для всех оставался маленький кусочек на ужин. Еще, невзирая на голод и бомбежки, он каждый день занимался с внуком по все предметам – от математики до иностранных языков. Дедушка первым махнул рукой на обстрелы и объявил

Через 65 лет... Глава муниципального образования – председатель муниципального совета Сестрорецка Андрей Вишневецкий вручил медаль «В честь 65-летия полного освобождения Ленинграда от фашистской блокады» и подарок Н.А.Шлиппенбаху, много лет возглавлявшему газету «Сестрорецкий инструментальщик». Вместе с ним поздравить Николая Андреевича пришли районные журналисты.

Фото Ларисы Шаймухановой

домочадцам, что слишком стар для того, чтобы каждый раз с пятого этажа по обледеневшей лестнице, больше напоминавшей катальную горку, нестись в бомбоубежище.

Дедушка умер 6 января 1942 года – профессора не спасло даже то, что, в конце ослабленного, его поместили в госпиталь для ученых. Его похоронили на Смоленском кладбище. Стало совсем тяжело, семья лишилась морального стержня.

Николай вспоминает случай, позволивший им всем дотянуть до весны. У 13-летнего подростка была ежедневная обязанность – приносить воду с Невы. С каждым днем ее было все труднее и труднее выполнять. Ведь после того, как зачерпнешь студеной водицы из проруби, приходилось с тяжелой поклажей, цепляясь локтями и коленями, карабкаться по ледяной горке. Естественно, пока доберешься до верха, половину расплескаешь. Однажды по дороге к дому он встретил взвод красноармейцев. «Дай попить, братишка», – попросили бойцы. Ну как им откажешь! Красноармейцы выпили всю воду, а в пустую емкость, пожалев мальчишку, накидали крупы, муки, консервов. Как доставить такое сокровище своим, чтобы провизию никто не отобрал по дороге? Николай снял себя в тридцатиградусный мороз тулуп, замотал им ведро, присыпал снегом и в одном свитере потянул санки к дому.

4 апреля 1942 года их с мамой эвакуировали из Ленинграда. Тетя осталась в городе.

Маме стало совсем плохо по дороге, в Сталинграде. Ее сняли с поезда. Врачи сказали, что женщину может спасти хорошее питание, и Николай истратил на рынке все деньги на продукты. Но мама все равно умерла. Местные власти помогли с деньгами и билетом, и подростку удалось добраться до города Пенджикент в Таджикистане, куда он был приписан в соответствии с эвакуационным листом. Николай забросал письмами, адресованными тете, их ленинградскую квартиру, но ни на одно из них не получил ответа. Тетя умерла.

И все-таки судьба Николаю улыбнулась. В Пенджикенте его нашел дедушкин друг – академик Вернадский. Он, находясь с Академией наук в эвакуации в Казахстане, стал разыскивать семью своего старого друга, попавшую в блокаду. Владимир Иванович выхлопотал Николаю разрешение в 1943 году вернуться назад, пока только в Ленинградскую область, в Боровичи. В этом городе юный блокадник закончил семилетку, получил паспорт и уже с документом летом 44-го года приехал в Ленинград. Их квартира к тому времени была занята другими людьми, и подросток три месяца спал на вокзалах, пока случайно не обратился в Свердловскую районную прокуратуру. Прокурор, когда узнал, что квартира уцелела, тут же написал резолюцию для управдома: немедленно освободить одну из комнат – подчеркнул слово «немедленно» и поставил восклицательный знак. Так Николай вновь

получил крышу над головой. К счастью, в подвале дома уцелели дедушкины вещи, и комнате даже удалось вполне прилично меблировать. Все это время академик Вернадский присылал Николаю переводы, на которые подросток и жил до тех пор, пока не устроился на работу.

МИСТИКА БЛОКАДЫ

В то, что существует блокадная мистика, верят многие, пережившие муки голода. В пограничном состоянии у человека открываются сверхъестественные возможности. И неважно, что этот человек еще очень мал даже для того, чтобы в этом хоть что-то понимать.

В мае 41-го года отец Владимира Максимова, военноруководитель, привез с Урала к матери на лето своего четырехлетнего сына. Мать военного жила в поселке Разлив, где испокон веков жили все их родственники.

22 июня началась Великая Отечественная война, а 8 сентября фашисты окружили Ленинград со всех сторон. Маленький Володя оказался в блокаде один, без родителей, с бабушкой и дядей – рабочим Сестрорецкого завода.

Максимовы – потомственные оружейники. Их дом 1902 года постройки стоит на самом берегу озера Разлив. В родном доме, говорят, и стены помогают. Как бы там ни было, только с одной дядиной рабочей карточкой (бабушкина иждивенчес-

кая отоваривалась от случая к случаю, а Володе вообще ничего не полагалось, так как он был не прописан) они протянули до марта 1942 года. На троих они делили дядин паек – 150 г хлеба и 150 г кровяной колбасы. Все запасы, имевшиеся в доме, закончились в начале декабря.

Бабушка рассказывает, что им иногда помогали с продуктами бойцы. Володя запомнил, как однажды к ним в дом зашли зенитчицы с батареей, которая стояла на другом берегу озера, и принесли хлеба и муки.

В середине марта 1942 года их с бабушкой стали готовить к эвакуации. Всех детей из поселка поместили в грузовик и привезли в баню на ул. Мосина. Ребят – мальчишек и девчонок – поместили в одно отделение, и женщина-боец МПВО одновременно всех намылила, а потом окатила водой. В глазах у нее стояли слезы. Еще бы – такое количество маленьких дистрофиков! После бани она дала каждому по полстакана чая и половинке конфетки-подушечки. Потом их с бабушкой доставили в эвакуационный пункт Ленинградского инструментального завода на ул. Новгородскую. В Ленинграде им регулярно выдавали паек, а один раз даже накормили в Смольнинской столовой. Это было уже перед самой отправкой на Финляндский вокзал.

Владимир Павлович Максимов, заместитель директора ЦНИРРИ

В это время его мама, оставшаяся на Урале с младшим братом, и отец, воевавший на Ленинградском фронте, горевали о маленьком блокаднике. С самого начала войны Павла Александровича направили защищать Ленинград, но в марте 1942 года он как военный специалист получил назначение на Урал. Отец рассказал командиру, что в блокадном го-

роде находятся его маленький сын, мать и брат. Начальство пошло навстречу бойцу и выписало ему командировку в Ленинград – добираться туда он должен был самостоятельно, на свой страх и риск. Отец прибыл в Кобону, на последний перевалочный пункт на нашей стороне Ладоги. Картина, открывшаяся перед ним, могла впечатлить кого угодно: по весеннему льду без остановки один за другим, насколько хватало взгляда, шли сотни грузовиков. Кое-где уже были подтаявшие полыньи, но машины шли, четко выбирая курс по Дороге жизни. Он стал голосовать, но тщетно. Никто не останавливался – этого не разрешалось, надо было строго следовать графику движения. Когда отец уже перестал надеяться, вдруг затормозил один грузовик и водитель открыл дверцу кабины. Так Павел Максимов оказался в блокадном городе. Пешком он пошел в Сестрорецк и уже в Лахте встретил разливских женщин, которые сообщили, что сына и мать увезли в эвакуацию и что они могут еще находиться на Финляндском вокзале.

Отец пошел обратно. В большом зале вокзала Володя, его бабушка и их разливская соседка ждали, когда подадут состав. Вокруг сидели, стояли, лежали сотни, тысячи людей. Подруги, чтобы накормить ребенка, загородили его собой от чужих глаз. Маленький Володя прожевал свой кусочек хлеба и отчетливо произнес: «Сейчас папа придет!». Женщины переглянулись и стали по привычке успокаивать мальчика, боясь, что он сейчас расплачется, но вдруг обернулись и увидели входящего в зал фронтвика. Это был Павел Максимов. Как почувствовал эту встречу на вокзале маленький ребенок? Загадка, ставшая семейной легендой.

Еще один участник этой истории – дядя, Василий Александрович. После того как эвакуировались его родные, несмотря на бронь, попросился в действующую армию, добровольцем ушел на Ленинградский фронт. Он погиб под Тихвином. Каждый год, в День Победы, Владимир Павлович берет цветы и идет на Сестрорецкий мемориал, где на одной из памятных плит выбито имя – Максимов В.А. Благодаря дядиному пайку они все выжили в самую тяжелую блокадную зиму. Благодаря таким, как его дядя, советский народ победил в Великой Отечественной войне.

Лариса Голубева